

Орлиное племя

Двое суток Татьяна Тарасовна не уходила с фабрики. Вместе с другими рабочими она без устали помогала грузить эвакуируемое в глубь страны оборудование, готовую продукцию, чтобы ничего не досталось врагу. И когда опустели цехи, поступило распоряжение: уходить, всем уходить с фабрики, а кто может—и из города... Только теперь Татьяна Тарасовна вспомнила о доме. «Шурик тоже несколько дней пропадает на заводе. Как он там? — с тревогой подумала она.— Придет ли? Аннушка больная... Старики волнуются...»

Трамвай уже не ходил, и последние силы Татьяны Тарасовны ушли на то, чтобы пешком добраться с Ленинской улицы, где находилась фабрика, до квартиры в конце Пушкинской. Дома она, уставшая, перепачканная машинным маслом, не раздеваясь, бессильно опустилась на стул.

Вдруг распахнулась дверь, и на пороге появился Александр, вспотевший, запыхавшийся.

— Сынок! — воскликнула мать.— Думала, не увижу больше... Ну, как там у вас?..

— Уходим, мама... Их танки уже под городом. Дай что-нибудь с собой взять... из еды... если найдется.

Александр взял со стола ломоть хлеба, но не нашел, куда его положить: из карманов пиджака торчали бутылки с горючей жидкостью, за пазухой лежало несколько гранат-лимонок, в карманах брюк — винтовочные патроны.

На голос внука вышла бабушка. Она взяла у Александра хлеб, завернула его в чистое полотенце и скрылась на кухне. Через минуту возвратилась и подала Александру мешочек, перевязанный тесемкой.

— Возьми вот... Я тут кое-что приготовила... И рушничок в дорогу пригодится.

Прощание было коротким. Обняв мать и бабушку, поцеловав в лоб сестренку, Александр решительно шагнул к двери. Бабушка сквозь слезы напутствовала его:

— Смотри от своих не отстань. Догоняй быстрее... Храни тебя господь, внучек.

— Будь осторожен, Шурик! — успела напомнить сыну Татьяна Тарасовна.— Не рискуй зря...

— Мы скоро вернемся,— поправляя за спиной карабин, отозвался уже с порога Александр.— Сами здесь будьте осторожнее. На глаза немцам не суйтесь...

Он догнал уходивший из города по Мценскому шоссе истребительный батальон уже возле железнодорожного моста и пристроился в хвосте колонны.

В составе отступавшего батальона было немало молодежи и среди нее — друзья, а теперь боевые товарищи Александра Подделкова — комсомольцы Александр Измайлов и Владимир Стебаков.

... Все еще находясь под впечатлением короткого прощания с сыном, Татьяна Тарасовна мыслями была рядом с ним. «Восемнадцать только минуло, а уже воин, Впрочем, кто же теперь не воин...»

Неожиданно со стороны вокзала послышался какой-то скрежет и грохот. Он с каждой секундой нарастал. Потом вдруг не очень далеко прострелкотала длинная пулеметная очередь, торопливо захлопали одиночные выстрелы. Кто-то пробежал мимо окон, стуча по тротуару тяжелыми сапогами, за углом пронзительно вскрикнула женщина.

Татьяна Тарасовна наглухо закрыла двери, опустила светомаскировочные шторы и прислушалась к тому, что творилось за стенами дома. «Началось, — подумала она с болью.— Пришли, изверги».

— Господи, что же теперь будет-то? — слышались с кухни причитания бабушки Пелагеи.

— Ничего, толкач муку покажет, — отозвался дед Матвей Петрович, который где-то долго пропадал и только что возвратился в дом.— Рано или поздно наши все-таки намордник Гитлеру набросят.

Взгляд Татьяны Тарасовны скользнул по стене. На ней были развешаны семейные фотографии. «Ой, что это я,— спохватилась Татьяна Тарасовна. — Надо убрать, что лишнее».

Она сняла фотографии со стены, вынула альбом и стала разбираться в дорогах ее сердцу семейных реликвиях. Как-то само собой получилось, что она вначале отобрала отдельно все фотографии Шурика, а затем, разложив их по порядку, стала вглядываться в милое лицо сына.

Вот Шурик в белой рубашке с красным галстуком сидит в кругу таких же малышек и внимательно слушает пионервожатую. На обороте фотографии надпись: «Сентябрь 1935 года, 4-й класс 8-й начальной школы».

Вспомнилось, с каким нетерпением мальчишка ожидал приема в пионеры... А когда был назначен сбор дружины, Шурик волновался. Перед тем как отправиться на сбор, повторил перед матерью вслух торжественное обещание.

Со сбора сын возвратился торжественный, радостный, сдерживая волнение, остановился посреди комнаты, расправил складки на красном галстуке, поднял руку и с гордостью отсалютовал:

— Всегда готов!

«Всегда готов!» — повторила мать шепотом, невольно уронив слезу на карточку.

На другом снимке — школьный струнный оркестр. В центре, с балалайкой,— Шурик... «А это что? Ах, да, пионерский лагерь в Солнцево». На опушке леса проходит длинная колонна ребят. Впереди — Шурик с горном.

А вот в школьной столярной мастерской на уроке труда Шурик орудует рубанком. Рядом — сосредоточенные, увлеченные работой его товарищи. Помнится, Шурик возвратился из школы, подал ей разукрашенную замысловатой резьбой шкатулку:

— Вот... сам сделал. Преподаватель разрешил показать тебе. Хорошо?

— Хорошо, сынок, очень хорошо! Ты у меня умница, замечательным, знаменитым мастером будешь.

Еще один снимок. Залитая солнцем полянка и на ней дружная стайка ребят. Все они чему-то весело смеются. В центре — Шурик. Татьяне Тарасовне хорошо знакома эта полянка на окраине города. Там ребята любили играть... Шурик очень увлекался играми, спортом. Он был капитаном школьной футбольной команды.

И еще одна фотография. Шурик сидит с книгой, задумчиво прислонившись к могучему стволу липы. Это у него «Как закалялась сталь». Бредил Шурик Павкой Корчагиным, не раз восклицал: «Вот бы мне таким стать!..»

Все восемнадцать лет жизни сына прошли перед Татьяной Тарасовной. Шурик рос в скромной трудовой обстановке и рано понял, что матери не легко. Окончив восьмой класс, он пришел домой и по-взрослому сказал:

— Поступаю на завод, мама... Пока учеником токаря. Учиться буду вечером.

Так он стал рабочим. «А вот теперь ушел,— думала мать.— Совсем взрослый. С винтовкой, как солдат... «Мы скоро вернемся...» Да, они вернутся. Орел — это же их гнездо! Они тут вывелись... Как же им не вернуться?»

Татьяна Тарасовна взяла жестяную банку с крышкой, уложила в нее фотографии сына, свой партийный билет, плотно обернула все тряпкой и, выйдя во двор, закопала сверток под кустом сирени.

Фронт откатился дальше, на восток. Орел стал тыловым городом. Но его захлестнула коричневая чума. Грабежи и насилия, массовые убийства мирных жителей, трудовая повинность для всего населения, уничтожение культурных ценностей, попытка подавить и ликвидировать все, что было близко и дорого советским людям,— таков был человеконенавистнический «новый порядок», который гитлеровцы пытались установить в городе.

От имени учрежденной оккупантами городской управы 9 октября было обнародовано распоряжение:

«Все жители города Орла подчиняются немецким военным властям и их солдатам».

Расклеенные по городу приказы военного коменданта с немецкой пунктуальностью регламентировали всю жизнь населения. «За нарушение...— расстрел», «за невыполнение...— расстрел», «за неподчинение... расстрел».

Вот на груди застывшего в петле автомеханика Кузьмы Ивановича Хилкова доска с надписью: «коммунист». К телу повешенной молодой женщины прикреплено объявление: «Медицинская сестра. Казнена за оказание помощи русским военнопленным».

30 октября военная комендатура города для всеобщего сведения объявила, что за «ношение револьвера» расстрелян юноша Казимир Семенов. В Первомайском сквере (теперь сквер Танкистов) несколько дней на деревьях раскачивались по ветру «для устрашения непокорных» тела трех молодых парней. Фашистская газетенка «Речь», издававшаяся оккупантами в Орле, по этому поводу сообщила:

«За невыполнение приказа местного коменданта по ежедневной явке на работу, что является саботажем, безработные Матвеев Алексей, Кочергин Иван и Ключников Дмитрий повешены, как саботажники».

Через три дня комендант опубликовал сообщение о том, что «за уничтожение германского военного имущества расстрелян двадцатилетний Пантелей Азаров». А вслед за этим комендатурой было объявлено о расстреле

Геннадия Тинякова «за хранение оружия и уничтожение военного имущества». За «уничтожение военного имущества» были расстреляны восемнадцатилетние комсомольцы Александр Рудкий и Николай Оловянников.

И так почти ежедневно. Кровавой расправой с патриотами оккупанты пытались запугать непокорных орловцев, ненавистью встретивших иноземных захватчиков. Они торопились, спешили «очистить, дезинфицировать город от большевизма». Гитлеровцы публично на площадях, в скверах и городском парке вешали патриотов. Методично, по вторникам и пятницам, со стороны городской тюрьмы доносились автоматные и пистолетные выстрелы. Это фашистские людоеды расстреливали орловских патриотов. Под покровом ночи распаивались тяжелые ворота двора бывшего Государственного банка на берегу Орлика и оттуда выезжали закрытые грузовики, — это из подвалов ГФП (тайная полевая полиция) палачи увозили на расстрел наших людей. Специальная автомашина — «душегубка» обслуживала гестапо и сыскное отделение так называемой «русской полиции»...

Медленно и нудно тянулись первые недели в оккупированном Орле. Татьяне Тарасовне они казались кошмарным тяжелым сном. Остро, до боли она чувствовала гнетущее одиночество. Теперь уже не надо было по утрам спешить на фабрику, в рабочий коллектив, неотделимой

частью которого она была с давних пор.

Но вот однажды в центре города, у Торговых рядов, раздался колоссальной силы взрыв. В ночное небо взметнулся столб пламени и, словно огромный факел, долго возвышался над городом, указывая орловцам путь к священной борьбе с ненавистным врагом.

И ноября 1941 года Советское Информбюро сообщило, что орловские патриоты взорвали и сожгли городскую гостиницу «Коммуналь», уничтожив при этом около ста пятидесяти фашистских офицеров. Это был первый чувствительный удар патриотов-подпольщиков по оккупантам, прозвучавший набатным призывом для орловцев.

А через несколько дней, как только на город опустились сумерки, взлетело на воздух и сгорело многоэтажное здание на углу Комсомольской и 1-й Посадской улиц, в котором

размещался немецкий штаб.

Как эхо на эти взрывы, вспыхнул склад горючего на Кромской площади, где было уничтожено 300 бочек с бензином; загорелись груженные винтовками, гранатами и патронами автомашины в одном из дворов на 2-й Курской улице; запылали гаражи, забитые автомашинами с военными грузами, в Рабочем городке, на Пятницкой улице, на 1-й Курской, на Черкасской...

Татьяну Тарасовну потянуло к людям. Пусть нет своего, родного коллектива, но ведь город-то не перестал быть русским, люди-то в нем остались наши, советские. Склонив голову, она прошла по израненным улицам, брезгливо сторонясь при встрече с горластыми полупьяными людьми в зеленых кургузых шинелях. Вернувшись домой, Татьяна Тарасовна с удивлением почувствовала, что щемящий душу страх, угнетавший ее, исчез. Город все-таки жил, он начинал выпрямляться, расправлять плечи и наносить удары по захватчикам. Страх исчез. Обострилась ненависть к оккупантам, не покидали думы о сыне.

Однажды вечером она вышла за калитку и... остолбенела. По тротуару, заложив по старой привычке руки в карманы брюк, с беспечным видом, как на прогулке, знакомой походкой к ней приближался Шурик. Мать вскинула руки и рванулась было навстречу сыну, но тот приложил палец к губам. Татьяна Тарасовна остановилась и молча пропустила его в калитку. Только в комнате, где не было посторонних глаз, она дала волю материнскому чувству.

Дед Матвей — старый сапожник, вынужденный теперь подрабатывать на дому, заколачивая березовые шпильки в старую подошву, сдержанно поздоровался с неожиданно появившимся внуком. Бабушка Пелагея засуетилась, запричитала — она не могла удержать слез от радостной встречи.

— Раскудахталась! — негромко, но внушительно прервал ее изливания дед и через плечо показал молотком на стенку, за которой в соседней квартире располагались немецкие солдаты.

Бабушка Пелагея осеклась на полуслове, а дед поманил к себе скрюченным от ревматизма пальцем Александра и прямо в упор, полусшепотом бросил вопрос:

— Зачем пришел?

— По делу, дедушка, — глядя в глаза старику, ответил Александр.

— А оружие где?

— Там, где и должно быть, — отрезал Александр и до конца выдержал тяжелый, испытующий взгляд.

— Накормите его поскорее, да пусть ложится... Видите, парень с ног валится... — смягчился дед. — Дорога-то, видать, не легкая.

Ни мать, ни дед, ни, тем более, бабушка, конечно, не догадывались о том, что их Шурик, с тех пор как ушел из дому с истребительным батальоном, уже не раз побывал в Орле, выполняя разведывательные задания. Но до сих пор он приходил один, а теперь привел с собой группу.

Александр нашел излишним объяснять семье, что и сегодня он не сразу пришел домой. Добравшись до города, он отдал последние распоряжения своим разведчикам и сразу же отправился на Третий Привокзальный переулок, к своему другу комсомольцу Павлику Маяцкому. Павел работал кочегаром в паровозном депо. Он совсем не думал оставаться на оккупированной территории, однако обстоятельства сложились так, что уйти из города не удалось. 2 октября он с бригадой выехал на станцию Курск. Пока бригада выполняла срочные работы на еще свободном участке дороги Орел—Курск, ее окружили немцы. Павел пробрался в Орел, чтобы попрощаться с матерью и сестрой, а затем уйти к своим, но никого из родных дома не нашел и даже не смог узнать, удалось ли им эвакуироваться. В тот же день к нему неожиданно, как снег на голову, явился Подделков. Ребята с детства знали друг друга и поэтому особой дипломатии при встрече не разводили. Александр рассказал Павлику, что пришел из Мценска, имеет задание разведать расположение войск противника и что через два дня его ждут обратно.

— Поможешь? — спросил он друга.

— О чем говорить, — ответил Павел. — Надо — значит сделаем.

Александр не ошибся в товарище. Вдвоем они за один день сделали больше, чем можно было бы сделать за неделю, если действовать в одиночку. И Александр и Павел поняли, насколько необходимо иметь в Орле человека, который бы внимательно за всем наблюдал, накапливал сведения. Поэтому, когда Александру пришло время уходить, Павел, тоже собиравшийся перебраться через линию фронта, вдруг спросил, глядя куда-то в сторону:

— Тебе ведь еще придется приходить сюда?

— Конечно, — еще не понимая, куда клонит друг, ответил Подделков. — И не раз, наверное.

— Ладно, — еще более нахмурился Павел. — Я тут все выведаю, обо всем пронюхаю.

— Значит, ты?!.. — обрадовался Александр. — И не побоишься?

— О чем говорить? Надо — значит сделаю, — ответил своим любимым присловием Павел.

Так Павел Маяцкий остался в оккупированном городе.

С той поры каждый раз, когда Шурик по заданию командования появлялся в Орле, он получал от дружка ценные разведывательные данные. Через Павлика он знал и о том, что делалось дома. Сегодня Павлик рассказал, что стоявшие в доме Подделковых гитлеровцы отправились к фронту, а на их место прибыли новые, еще не знавшие в лицо всех жильцов.

— Хочется увидиться с матерью, с сестренкой, взглянуть на старого деда, обнять хлопотливую и ласковую бабушку, — сказал Александр. — А главное — удобнее! будет под прикрытием семьи выполнять боевое задание.

...Так Подделков оказался дома. Он расспросил мать и деда обо всем, что творится в городе. Утром Александр неожиданно заявил озадаченной матери:

— Я давно не бывал у тети Феклуши... Как она там?.. Пойдем-ка сходим.

Поддерживая мать под локоть, Александр неторопливо прошелся по Пушкинской улице к центру города. Он внимательно присматривался ко всему, часто замедляя шаг, а иногда и останавливаясь против больших дворов, загроможденных автомашинами, бронетранспортерами и другой военной техникой врага. Несколько раз он вдруг просил мать:

— Ты, мама, иди не спеша. Я тебя сейчас догоню, — и скрывался в боковой улице.

Когда на Ленинской они поравнялись с домом тети Феклуши — Феклы Яковлевны Сениной, — мать, заметив, что сын проходит мимо, напомнила:

— Шурик! Ведь к тете-то надо сюда, в подъезд.

— Потом, мама, на обратном пути. Мне еще хочется посмотреть на горсад...

Возле городского сада часовой грубо заорал на них, требуя держаться подальше. Но все равно сквозь решетчатую ограду Александр рассмотрел груженные боеприпасами машины. На стадионе «Динамо» оказалось около сотни мотоциклов с автоматчиками, а неподалеку — в одном из больших дворов — тщательно замаскированное бензохранилище.

Прогулявшись до Волховского шоссе, мать и сын возвратились на Ленинскую.

— Ну, а теперь пойдем к тете Феклуше, — сказал наконец Александр.

Тем временем один из напарников Подделкова, Сашка Измайлов, успел совершить «экскурсию» по Комсомольской и пересекающим ее улицам, проскользнул мимо аэродрома к реке Цон и в лесочке, у мельницы, «открыл» склады авиабомб, артиллерийских снарядов.

Юркий, никогда не унывающий Сашка Измайлов действовал смело. На Пушкинской улице до сих пор помнят этого круглолицего, коренастого крепыша, черново-лосого, с озорными глазами.

В канун Отечественной войны ему исполнилось шестнадцать лет. Он научился сапожному ремеслу.

Когда началась война, Измайлов сразу же решил, что ему, молодому, здоровому

парню, не к лицу сидеть, орудовать шилом да молотком. Надо бороться против врагов.

А что делать — он пока не знал. В армию шестнадцатилетних не брали. Неожиданно прошел слух о создании истребительного батальона. «Это дело как раз по мне»,— решил Сашка и помчался к Подделкову. Александра он застал дома. Тот сидел у окна и собирал только что вычищенный карабин.

— Откуда это у тебя? Кто дал?

— Командир дал,— коротко ответил Подделков.

— В истребительном? - Да!

— А как же я?— с обидой вырвалось у Сашки.

— Что—ты? — делая вид, будто не понял друга, удивился Подделков.— А-а! Ты тоже хочешь в батальон? Не выйдет!

— Почему?

— Малолетних не берут. Тебе ведь всего шестнадцать. — Семнадцатый,— гордо поправил Сашка и сразу же

обрушился на дружка,— А ты не задавайся. Сам-то всего на два года старше. Я тоже комсомолец.

— Не струсил? Там ведь стреляют.

— А, иди ты, — обозлился Сашка, поняв, что Подделков разыгрывает его. — Поможешь записаться?

— Если очень попросишь, то, может быть, и помогу, — смиловился Подделков, но видя, что Сашка может всерьез обидеться, добавил:— Пойдем. Запишут...

Позднее, когда руководство Орловского штаба партизанского движения поручило Александру Подделкову подобрать группу из трех человек для выполнения заданий в городе Орле, он первым назвал Сашку Измайлова. И еще Подделков попросил, чтобы ему разрешили взять с собой Владимира Стебакова. В истребительном батальоне это был самый скромный юноша. Товарищи уважали его за отзывчивость и справедливость, удивлялись его начитанности.

До войны Владимир учился в школе № 3. Учился отлично. Особенно увлекался физикой, был способным математиком. В сорок первом году он окончил девятый класс и одновременно вечерние курсы по радиотехнике. В подполье знание радиотехники ему очень пригодилось. Но это было значительно позже. А сейчас, пока оба Александра «прочесывали» Советский и Заводской районы, Владимир действовал в Железнодорожном.

Через два дня юные разведчики исчезли из Орла так же внезапно, как я появились. Павлик Маяцкий остался в городе.

Нелегко был путь от Орла до Ельца. Шел ноябрь, з морозы уже стояли крепкие. Ночами по замерзшей, покрытой первым снегом земле, коченея от стужи, без дорог, комсомольцы прошли более двухсот километров. Повсюду их подстерегала опасность. Не раз приходилось

пробираться ползком, сжимая в руке нож и лоя настороженным ухом близкие шаги фашистского часового.

Ни холод, ни смертельная опасность не сломили молодых патриотов. На рассвете разведчики добрались до партизанского штаба. Рапорт о выполнении задания они писали вместе, но набело он переписан рукою Володи Стебакова. Вначале следует обычная фраза:

«Из города Ельца вышли 28 октября 1941 года с заданием определить расположение войск противника в городе Орле. Выяснили...»

Затем подробно изложено все, что увидели зоркие глаза разведчиков, все, что фашисты старательно скрывали от посторонних взглядов. Рапорт заканчивался так: «...Население ненавидит фашистских захватчиков и с нетерпением ожидает возвращения нашей армии... Жители города Орла не имеют продуктов. Торговли в городе никакой нет. Чем больше население находится во власти немцев, тем сильнее его ненависть к фашистским захватчикам. Подделков, Стебаков, Измайлов».

Это был последний разведывательный рейд Подделкова в город Орел. Вскоре военные дороги увели его в другие места.

Представляя Подделкова к правительственной награде, руководство партизанского штаба так характеризовало его работу: «Подделков Александр Петрович, член ВЛКСМ, добровольно изъявил желание сотрудничать с Орловским штабом партизанского движения и выполнять его задания по вражескому тылу. Несколько раз он ходил в разведку одиночкой через линию фронта, из города Мценска в город Орел. Из Ельца три раза перебрасывался в тылы врага с этими же заданиями в качестве старшего разведывательной группы. Во всех случаях он успешно выполнял порученные задания и добывал ценные разведывательные данные о концентрации сил противника, о размещении воинских частей, техники, аэродромов и огневых точек. Приносимые им данные использовались командованием Н-ской танковой бригады и штабом Брянского фронта».

24 января 1942 года Военный совет Брянского фронта от имени Президиума Верховного Совета СССР наградил партизана Александра Подделкова медалью «За отвагу».

Не успел получить этой награды Александр, даже не узнал о награждении: в это время он снова находился во вражеском тылу. На этот раз разведгруппу переформировали. Старшим был назначен двадцатитрехлетний комсомолец Василий Репкин, уроженец деревни Пруды Новосильского района.

До войны этот юноша имел самую мирную профессию: учительствовал — преподавал немецкий язык. Но как только фашистские орды вторглись в родные орловские просторы, учитель стал партизанским разведчиком и подрывником.

Это был рослый, атлетического сложения и недюжинной силы человек. До того как возглавить комсомольскую группу, Репкин много раз побывал во вражеском тылу, выполняя сложные задания. Он слыл умелым минером, на своем счету имел несколько подорванных воинских эшелонов врага.

В сентябре сорок первого года при выполнении боевого задания около города Почеп Василий Репкин вместе со своим напарником комсомольцем Григорием Мелиховым был схвачен фашистами.

Прямых улик против разведчиков у гитлеровцев не имелось. Однако подозрения были довольно основательные. Опросив в штабе полка, их отправили в город Почеп. В пути один из конвоиров с завистью сказал своему напарнику:

— Ганс Крамер получит за этих русских солидное вознаграждение. Майор Гартель сказал, что он задержал крупных шпионов, что за ними надо следить в оба. Майор уверен, что им языки развяжут,..

Репкин, знавший немецкий язык, не подал вида, что понимает.

И вот допрос.

— Доблестная германская армия разгромила большевиков,— бодро чеканил сухопарый фашистский обер-лейтенант с голым, как колено, черепом. На чистом русском языке он убеждал Репкина — Красная Армия уже развалилась. Еще одно усилие со стороны войск фюрера, и с Советской Россией будет покончено навсегда. Расскажите честно, кто и с каким заданием послал вас, и мы сохраним вам жизнь. Мы дадим вам хорошую работу, а после войны вы получите лучший участок земли и будете хозяином...

— Мы идем домой из-под Трубчевска,— прикинувшись простаком, твердил свое Репкин.— На окопах работали, а теперь вот возвращаемся.

— Вы переодетый русский разведчик,— выходил из себя фашист.— Ваша жизнь в наших руках... Вы можете ее купить у нас... И очень недорого: только расскажите правду...

«Сволочь паршивая,— с гневом думал Репкин,— ценой предательства я должен купить у него свою же собственную жизнь. Она и так принадлежит мне и моей Родине... И мы сами распорядимся ею как найдем нужным». А вслух твердил: мобилизован на окопы, а теперь иду домой из-под Трубчевска...

Допрос длился с утра до вечера. Обер-лейтенант исчерпал все свое «искусство» и стал терять самообладание. Прервав допрос, он вызвал часового и бросил ему:

— Отведите обоих в лагерь... к пленным. Передайте дежурному, чтобы за ними следили... Это опасные шпионы. Завтра они все расскажут.

Друзья оказались за колючей проволокой. Как только стемнело, к ним подошел мужчина в грязной, потрепанной одежде. Познакомился и стал рассказывать, что он коммунист, партизан, был пойман немцами под Могилевом, но ушел из-под стражи. Он настойчиво советовал бежать ночью из лагеря.

— Вы же свои люди... Я это сразу понял. Нечего тут засиживаться. Я уже разведал, где можно пролезть.

Назойливость «партизана» сразу вызвала настороженность разведчиков. А когда он после длительных излияний куда-то исчез и, возвратившись, принес хлеба, яблок, стало ясно, что это за «патриот».

— Зачем нам бежать? — как можно наивнее говорил Репкин.— Немцы люди справедливые, вот разберутся— и пойдем домой... Гражданских они должны отпустить.

Всю ночь «партизан» не отходил от комсомольцев. Спать он улегся на земле под открытым небом, по соседству со своими подопечными.

Наутро обер-лейтенант не был так «ласков» и «заботлив», как вечером. Допрос он начал с того, что пустил в ход обрезок резинового шланга, наполненный песком.

Репкин ожидал этого. Он хорошо знал, что резиновый шланг и подобные предметы — основной аргумент у фашистов, с помощью которого они пытаются «развязать языки» у попавших к ним людей.

Удары сыпались на Василия один за другим, и сухопарый обер-лейтенант время от времени прекращал истязание лишь для того, чтобы задать все один и тот же вопрос:

— Ну что, будешь говорить?!

— Мы из-под Трубчевска... Домой шли... Другого ответа он так и не добился.

В кабинет следователя вошел майор в пенсне.

— Ну как? — обратился он к Репкину, лежавшему на полу.

Тот не ответил.

— Я убежден, что это опытный разведчик русских,— ответил за Репкина обер-лейтенант,— но он очень упрям.

— Второй тоже молчит,— сердито бросил майор.— Придется завтра на рассвете обезвредить обоих... За городом, в кустарнике.

Когда Репкин возвратился в лагерь, Григорий Мелихов был уже там. Он лежал на земле вверх лицом с закрытыми глазами. Репкин молча опустился рядом. Он знал, что их ожидает завтра на рассвете, обдумывал положение, искал выхода.

— Гриша,— тихо позвал он друга, — как ты?

— Сволочи, били очень... Живот болит.

— Быстро бежать сможешь? Совсем немного...

— Не знаю. А что?

— Завтра на рассвете нас поведут на расстрел. За городом есть кустарник...

В этот момент подошел уже знакомый друзьям «партизан» и, присаживаясь около них, спросил как ни в чем не бывало:

— Ну что, обещали отпустить?

— Да, завтра отпустят, — ответил Репкин, превозмогая боль и как можно спокойнее. — Начальник обещал...

— А видать, с вами неласково обошлись,— заметил «партизан», делая вид, что он только что рассмотрел кровоподтеки и ссадины на лицах собеседников.— Говорил я вам, бежать надо, не послушались, а вот теперь...

— Нас завтра отпустят,— повторил Репкин.— Зачем бежать? Мы по-хорошему.

— Как хотите. А то пойдемте со мною. Я эти места знаю... Думаю сегодня текнуть... Натекте-ка вот, подкрепляйтесь. Может, вместе двинем?

— Нет уж,— еле сдерживая себя, опять повторил Репкин. — Зачем нам бежать? Мы не краденые. А хлебец вкусный...

«Партизан» улегся тут же и спустя несколько минут, захрапел. Но Репкин зорко наблюдал за ним и заметил, что он не спит. Решив, что из-за этого соседа им так и не удастся договориться о побеге, Репкин нарочито громко сказал:

— Давай, Гриша, спать, а то завтра нам с тобой далеко топать...

— Ага,— отозвался Григорий.

Вскоре они действительно заснули, истомленные, измученные.

На рассвете два вооруженных солдата вывели комсомольцев из лагеря. Один конвоир шел впереди, метрах в десяти—пятнадцати, второй—с таким же интервалом позади. Гитлеровцев заботило лишь одно: хватит ли у этих русских сил дотащиться к месту казни.

Миновали пустынные улицы. Вот и окраина города. Репкин незаметно шепнул Мелихову:

— Как только кашляну — приготовься. Бежать будем вправо. Второй раз кашляну — быстро за мной.

Шагов через полсотни Репкин тихо кашлянул и шепнул, не поворачивая головы:

— Вот домик под железом... Я — в переулок по ту сторону, а ты — по эту. Потом — в сад.

Едва первый конвоир миновал домик под железной крышей, как обоих ребят точно ураганом подхватило: собрав остатки сил, они в несколько прыжков очутились в саду. А когда опомнившиеся солдаты открыли стрельбу, их уже скрыла высокая конопля. Дальше — глубокий овраг, поросший кустарником, под прикрытием которого беглецы изменили направление. Теперь они пробирались совсем не в ту сторону, куда палили растерявшиеся фашисты. Неподалеку оказался лес, где разведчики передохнули и, убедившись, что погони нет, направились к городу Мглину.

28 сентября Василий и Григорий вернулись на свою базу в городе Брянске, к тому времени еще не захваченном врагом. А вскоре Репкин расплатился с фашистами: 17 октября он заминировал полотно железной дороги в 20 километрах от станции Суземка и поднял на воздух эшелон с военными грузами.

Таков был новый командир комсомольцев с Пушкинской улицы города Орла.

После реформирования разведчики несколько дней отдыхали. Затем начались тщательное изучение боевой техники и отработка способов ее применения. А уже 15 ноября 1941 года группа получила боевой приказ.

— Ну, ребятки,— привычным тоном учителя сказал Василий, когда все собрались у его койки в общежитии,— на этот раз мы к фрицам отправимся не с пустыми руками. Пойдемте получать «подарки»,

В одну из холодных ночей, одетые так, чтобы по виду не отличаться ничем от деревенских жителей, вскинув мешки за плечи, комсомольцы двинулись в путь. Нелегкий груз давил на плечи, сапоги с каждым километром становились все тяжелее.

Подул холодный встречный ветер. К полуночи он стих, но мороз усилился, и снег резко заскрипел под ногами.

На рассвете двадцатого ноября около деревни Кресты Репкин неожиданно полупшепотом подал команду:

— Стой!.. Ложись!..

Василий снял с плеч мешок и, едва слышно сказав: «Лежать! Ждать меня!», — уполз вперед. Вскоре он увидел, как по большаку из Новосилия на Судбищи извивалась серо-зеленая змея — колонна фашистской пехоты. Когда хвост ее скрылся за холмом, Репкин вернулся к затаившимся разведчикам и тут же сделал пометку в своем дневнике: «У Крестов — колонна пехоты 800 человек, автомашин с пушками на прицепе 25, мотоциклистов 20, велосипедистов 35».

С этого и началось.

Лежа в снегу или укрывшись в придорожном кустарнике, разведчики пристально следили за тем, что делается на дорогах, ведущих к городам Ельцу и Ефремову. Командиру группы отважных с детства хорошо были знакомы эти места. Здесь он чувствовал себя как

дома и уверенно вел своих товарищей, избегая столкновения с врагом. Обойдя село Кресты, он резко повернул вправо. Петляя по оврагам и перелескам, преодолев по бездорожью за день километров около тридцати, группа в сумерках вышла на опушку леса. Впереди раскинулось большое село Пруды, родное село Василия Репкина. Вон в той кирпичной хате живут его мать Акулина Романовна, тринадцатилетний братишка Сашок и жена старшего брата-фронтовика.

— Ну, ребятки, вот моя деревня, вот мой дом родной,— сказал Василий.— Но отправляться в гости к мамаше пока воздержимся. По селу проходит большая дорога на Ефремов, а значит и гитлеровцы могут быть. Устроим привал, а как стемнеет, я пойду в разведку.

Затем он добавил:

— Когда первый раз я привел сюда группу, решил не у матери остановиться — в Прудах всегда немцы, — а вон в том поселочке. Родственник там у меня, и фрицы туда редко заглядывают. Так что ж вы думаете? Не принял. Из-за вас, говорит, семья погибнет. Пришлось идти к матери. Она обрадовалась. С тех пор у нее и обогреваемся...

— Мать — самый надежный союзник,— отозвался Александр Подделков.

Когда стемнело, Репкин ушел в село. Возвратился он часа через полтора и сообщил, что можно отправляться. Большой немецкий обоз в полдень покинул село, осталась лишь маленькая группа солдат при комендатуре.

Акулина Романовна встретила ребят, как родных сыновей. Разведчики забрались на чердак и, зарывшись в клеверное сено, уснули. На посту осталась невестка, а Василий еще долго сидел с матерью, расспрашивал ее о движении войск противника, об обстановке в Прудах и окрестных селениях. Уснул он далеко за полночь, тоже на чердаке. Нести вахту у дома продолжали мать и невестка, сменяя друг друга.

Утром на Ефремов проследовал большой обоз. Громадные лошади с куцыми хвостами тащили повозки с боеприпасами, продовольствием. Гитлеровские солдаты сновали по дворам, выволакивали овец, ловили гусей, стреляли из автоматов по перепуганным курам. Бесцеремонно врываясь в дома, хватали полушубки, валенки и другие вещи.

Разведчики по очереди выходили из своего укрытия. Акулина Романовна кормила каждого. Последним спустился Василий. Едва он принялся снимать «мундир» с горячей картофелины, как запахнулась дверь, и на пороге вырос староста Ефремов. Этот предатель активно помогал оккупантам, выслуживался перед ними. Увидев за столом здорового бородатого человека, староста попятился было назад, но потом все-таки шагнул в комнату, снял трех и раскланялся.

— Сынок, видать, в гости пожаловал? — обратился он к хозяйке, воровато озираясь по углам.— В народе слухок болтается, что Василий-то Максимович партизанит... Видать, правда...

Акулина Романовна растерялась. Она смотрела то на старосту, то на сына. Хотела что-то сказать, но не находила слов. Случится же такое: на одну минуту забежала в хату, чтобы достать из печи горшок с горячей картошкой для сына, и на тебе: наскочил этот злодей.

Василий положил картофелину на стол, медленно встал и заслонил собою дверь.

— Здравствуй, Евдоким Ильич,— тихо сказал он, но так посмотрел на гостя, что тот попятился к печи, выставив вперед руки, словно защищаясь. — Что, выследил?

— Я... Нет... Я... Василий Максимович...

Репкин шагнул к старосте, схватил его за лацканы овчинного полушубка, мгновенно достал из-за голенища валенка пистолет, приставил холодное дуло к носу предателя. Ефремов побледнел, выронил трех и стал медленно приседать. Акулина Романовна бросилась к сыну.

— Васенька, не надо... Вон опять обоз едет, услышат изверги, всех погубят.

— Подожди, мать,— Василий отстранил локтем Акулину Романовну.— Да ты стой

на ногах как следует, «опора великой Германии»... Я на тебя пулю расходовать не стану, она мне пригодится еще... Но если ты, шкура продажная, выдашь, тебя наши люди из-под земли достанут и тогда вдвойне заплатишь.

— Василий Максимович... Видит бог, не предполагал, что застану... Я шел по дворам... Комендант приказал с каждого дома по ведру очищенной картошки и по десятку яиц на кухню... Я случайно... Чтобы известить Акулину Романовну...

— Не трясись! — резко оборвал старосту Репкин.— Сейчас я тебя отпущу. Однако запомни: если ты, мерзавец, выдашь меня или после упадет хоть один волос с головы матери — пеняй тогда на себя...

— Провалиться мне на этом месте, - осмелел староста, но голос его все еще дрожал.— Вася, Василий Максимович, видом не видал и слыхом не слыхал... Тут свидетелей не было...

- А теперь иди и забудь, что ты тут был. Ефремов поднял и нахлобучил треух и, пятась к двери, обратился к Акулине Романовне.

— Яички и картошку не носи, обойдемся...

- Яиц вы не получите,— отрезал Василий,— а картошку мать отнесет... Подозрений будет меньше.

— А-а, ну-ну... Бывайте здоровы...

Староста ушел. Репкин прильнул к окну. По дороге из Новосиля двигался длинный обоз.

Ночью комсомольцы покинули село. В морозном небе дрожали крупные звезды. На востоке время от времени громыхали орудийные выстрелы. Где-то, невидимые, пролетали наши тяжелые бомбардировщики, держа курс в глубокие тылы противника.

Впереди, ссутулившись под тяжестью ноши, шагал командир группы. Замыкал шествие Александр Подделков. Сашке Измайлову казалось, что они уже целую вечность идут по крохотному, засыпанному снегом островку и никак не могут пересечь его. Ну, да ладно. Сейчас важно не наступать на пятки ведущему и не отставать, чтобы не мешать Владу Стебакову, ступающему в такт ему позади.

На одном из привалов Василий сказал:

— Под Крестами мы с вами, ребятки, нырнули в лавину гитлеровских войск. И вот теперь, мне кажется, волна схлынула, мы проскочили ее.

Действительно, в треугольнике Новосиль—Мценск — Орел разведчики повстречали лишь группу конников, которая проследовала большаком из Мценска на Новосиль. Однако опасность продвижения по тылам врага не уменьшилась. В мало-мальски крупных населенных пунктах гитлеровцы оставили свои комендатуры с небольшими гарнизонами. Повсюду были расклеены приказы, угрожавшие расстрелом за предоставление ночлега или укрывательство посторонних лиц.

Для отдыха разведчики устраивали короткие привалы в лесу, в оврагах и в кое-где уцелевших скирдах соломы. Шли молча, экономя силы. Лишь на привалах иногда обменивались шутками.

— Эх, сейчас бы в теплую хату, да раздеться, да навернуть бы тарелку щей горячих,— размечтался однажды Саша Измайлов. Он сидел на снегу, опершись спиной о мешок и положив уставшие ноги на ореховый куст.

— Ишь ты! — усмехнулся Подделков.— Может, тебе еще и на перину захочется. Смотри, мину спиной не раздави, а то улетишь в рай прежде времени. Придется нам без тебя с Гитлером счета сводить.

— Нет, в рай мне еще рано,— не согласился Сашка. - Апостолы не примут и ангелы будут смеяться. Скажут: что же это ты, Александр Иванович, на земле-то пожил без году неделю, следа там своего никакого не оставил, а в трудную для людей минуту, как заяц,— в кусты. Нет, я сначала отправлю в ад сотни три фрицев, а там подумаю...

— В таком случае не ерзай... Слышь, «лимонки» гремят, помнешь.

— Холодно... Чертов мороз за спину берет.

— Коли холодно— вставайте,— подал команду Репкин.— Если повезет, то мы в поселке Евтехове обогреемся и отдохнем. Туда фашисты заходят редко.

В поселке Евтехове немцев действительно не оказалось. Комсомольцы переночевали в доме знакомого Репкину старика. Командир группы получил от него подробную информацию обо всем, что творится в окрестностях.

В полночь на двадцать пятое ноября пересекли шоссейную дорогу Орел—Москва. Впереди показалась зубчатая лента ельника, тянувшегося вдоль железной дороги. Василий остановил группу и распорядился:

— Надо передохнуть, изучить обстановку. После того, как наши минеры в прошлый раз тут поработали, гитлеровцы бдительнее стали. Усиленно патрулируют весь участок. Ходят они по линии обычно парами, с интервалом в 20—30 минут. Их надо выследить. Как только патрульные пойдут в ту сторону, на ветер, так быстро, по одному, без шума — через линию. Да не споткнитесь на рельсах. Загрямите — услышат, пропали все. Первым пойдет Подделков, за ним Измайлов, потом Стебаков. Я иду последним. Оружие — наготове. Ясно?

- Ясно!..

До ельника оставалось метров сто. Разведчики ползли по снегу, стараясь рассмотреть, не поставили ли немцы свои секреты в придорожной посадке. Наконец один за другим нырнули в чащу. Командир раздвинул ветви и, окинув взглядом дорогу, махнул рукой: дескать, замрите на месте. Совсем близко, в каких-нибудь двадцати метрах, уткнув носы в поднятые воротники шинелей, по полотну двигались два солдата. Сейчас они шли в подветренную сторону. У обоих автоматы висели поперек живота, а руки были глубоко засунуты в карманы. Дул студеный ветер, шипела поземка, и немцы прошли, не заподозрив присутствия тех, против кого их послали сюда.

— Патрули,— шепнул Репкин товарищам,— удалились вон в ту сторону. Пойдут на ветер — для нас меньше риска.

Минут через пятнадцать тени патрулей проплыли в обратную сторону. Вот они уже растаяли за поворотом. Ра ведчики стремглав перемахнули через железную дорогу. Отойдя километра на три от линии, они остановились у скирда необмолоченной ржи.

— Привал до утра,— сообщил командир, снимая свой мешок.— На сегодня достаточно: два серьезных рубежа одолели.

— Какие же два? — возразил Сашка Измайлов.

— Шоссе и железную дорогу. Шоссе ведь тоже патрулируется, только днем. Ночью они туда вообще не вылезают. Боятся наших мин,— объяснил Репкин и начал готовить «пещеру» для ночевки.

— А я сегодня перепрыгнул через, три рубежа, — объявил Стебаков.

— Это где же ты успел третий-то перескочить?— недоверчиво спросил Измайлов.— Я что-то не заметил.

— Где же тебе заметить? — усмехнулся Стебаков.— Через рельсы ты мчался впереди меня и не оглядывался. А я как раз тут-то и сразу через два...

— Ты, Владик, случайно не бредишь? — вмешался в разговор Подделков.

— Сегодня ночью мне исполнилось семнадцать лет,— с грустью произнес Владик.— Старею, брат. Скоро третий десяток начну.

— Да?! — распрямил спину Репкин.— Чего же ты молчал?

— А вот и докладываю...

— Поздравляю, дружище, поздравляю,— Репкин крепко обнял Владика.

Подделков и Измайлов тоже тепло поздравили товарища.

— Это надо бы как-то отметить и подарочек, как положено, преподнести,— извиняющимся тоном сказал Подделков.— Но сам видишь... подарить тебе пару «лимонок» или сотню патронов— так у тебя и своих немало, еле тащишь.

— Выдать ему двойную порцию сала,— предложил Сашка Измайлов.

— Печально, но ничего не поделаешь,— попыток общего мнения командир.— Отметим соответственно и подарок сообразим, когда домой вернемся.

— А пока отметим это событие тем, что отныне будем называть его не Владиком, а Владимиром,— шутливо предложил Подделков.— Александровичем начнем величать через год, как стукнет восемнадцать.

Тем временем «пещера» для ночевки была готова. Забравшись в нее, ребята принялись за ужин. Вдруг послышался нарастающий гул самолетов.

— Наши! — определил Владимир.

— На Орел пошли,— уточнил Подделков.— Сейчас фрицам будет баня с припаркой.

Вскоре со стороны Орла донеслись отдаленные глухие взрывы, а потом прошли еще три волны бомбардировщиков. Где-то неподалеку ухали фугаски.

— Вот здорово! — восхищался Подделков, наблюдая через отверстие взметнувшиеся к небу столбы пламени.

— Это уже не бомбы, это снаряды рвутся, — сказал Владимир.

После ужина трое разведчиков, утомленные длительным и тяжелым переходом, быстро уснули. Первую вахту на посту нес сам командир группы.

С рассветом решили продвигаться дальше. Петляли, используя каждую складку местности, каждый перелесок или цепочку кустов, чтобы ничей глаз не заметил. Хорошо и то, что дул северный ветер и поднял поземку, К ночи добрались до деревни Пахомово, где у Репкина снова нашелся надежный старик. Хозяин накормил гостей отварной горячей картошкой, напоил кипятком вместо чая, - А где же бабуся ваша? — вдруг спохватился Репкин.— Что-то я ее не вижу.

— Бабуся-то? — отозвался старик.— Ушла на поселок... к дочке. Там с внучатами воюет. Покойнее ей там. А ить тут эти дьяволы, почитай, бесперечь снуют. Ну, а вас-то надо встречать. То одни, то другие, как и вы, каждую неделю наведываются. Застукают — нам ить вместе с вами на раките болтаться. Разве я не понимаю.

- Небось, страшно, дедушка?— вставил Сашка Измайлов.

- А то разве. Умирать-то кому охота? Я уж так решил: семи смертям не бывать, а одной не миновать. Рано или поздно придет она. Конечно, обидно попусту лишиться жизни. А за святое дело — нет,— сказал хозяин, словно подтверждая уже давно решенный им вопрос.

Остановка в селе Пахомове была тем рубежом, до которого разведчикам сопутствовала удача. Покинув гостеприимный дом старика, группа направилась дальше и поздним вечером 26 ноября подошла к поселку Пахомовка. Обойти поселок стороной — значит израсходовать много сил, а их теперь, как никогда, надо было беречь. Репкин решил разведать обстановку. Подумав, он послал Александра Подделкова, приказав ему вернуться через час.

Медленно тянулось время. Прошло уже два часа, но Подделкой не возвращался.

Под утро командир группы отправился к поселку сам. Вскоре он возвратился хмурый, встревоженный и жестом дал команду следовать в обход. Вещмешок Подделкова разведчики несли по очереди. Когда же немного развиднелось, Василий Репкин записал в своем дневнике:

«26/X1-41 г. вечером в поселок Пахомовка пошел Подделков. Он не вернулся. Какова его судьба, мне неизвестно».

Исчезновение товарища не вызвало в душах комсомольцев колебаний. Каждый внутренне был готов к самому худшему. Но каждый представлял себе, что это произойдет в ожесточенной, может быть, даже рукопашной схватке с врагом. А что произошло с Подделковым? Ушел — и как в воду канул.

Принимая меры предосторожности, Репкин решил изменить маршрут. К полудню 27 ноября группа добралась до намеченного пункта, пересекла шоссе Орел—Брянск.

Железная дорога, движение по которой надо было прервать, находилась совсем рядом. На разведку был послан Измайлов. Возвратившись, он доложил, что наиболее подходящее место для минирования полотна находится километрах в трех от станции

Нарышкино, по направлению к Орлу.

— Там порядочный уклон, насыпь... От небольшой мины любой эшелон к чертям закувыркается. И подходы скрытые... Патрулируют автоматчики. Ходят по двое. Мину заложить успеем,— заверил Сашка командира.

Группа спустилась в овраг, выведивший к железной дороге, остановилась. Репнин внимательно осмотрел мины, подготовил их. Еще раз тщательно проинструктировал своих помощников.

К линии подошли уже в темноте. Залегли между кустами в полутора десятках метров от насыпи и стали наблюдать. Ветер насквозь пронизывал одежду, леденил тело и точно березовым веником хлестал по лицу сухой и колючей снежной пылью.

Прошло больше часа. Несколько раз прошагали туда и обратно патрули, а Василий все еще не разрешал действовать. Он внимательно изучал поведение охраны, ждал, когда сильнее разыграется буря и сплошная снежная коловерт заплещет над землей.

В одиннадцать часов ночи Репкин решил, что пора начинать. Вместе с Сашкой он поднялся на насыпь почти за спинами патрульных, которые, втянув головы в плечи, закрывая воротниками шинелей уши и носы от бокового ветра, понуро прошагали к станции.

Смерзшийся грунт под рельсами упорно сопротивлялся ударам финских ножей. Времени для закладки мины потребовалось значительно больше, чем рассчитывал Василий.

— Вот черт,— ворчал под нос Сашка, с трудом отковыривая смерзшиеся куски.

— Осторожно, нож не сломай,— предупредил друга Репкин.

Наконец тяжелая мина скользнула в гнездо и плотно улеглась под стыком рельсов. Репкин сам вставил взрыватели. Рядом уложил пару гранат.

— Быстро в кусты, к Владимиру,— приказал он Сашке, маскируя заложенную мину снегом.

Сашка скатился под откос и нырнул в кусты. На полминуты позже за ним последовал Репкин. И вовремя. В белесой тьме зачернели фигуры патрульных. Метрах в двух от «сюрприза» один из них остановился, посмотрел по сторонам. Минеры замерли.

«Неужели заметил, гад?» — промелькнуло в голове каждого. Репкин выхватил из кармана пистолет и молча кивнул головой. Через секунду дула трех пистолетов были направлены в сторону патрульного. Но фашист опять двинулся вслед за напарником.

Выждав, когда патруль возвратился и снова, ничего не заподозрив, прошел к станции, минеры направились в сторону Орла, чтобы в километре отсюда заложить второй «гостинец» оккупантам на пути из Орла на Брянск. Идти было трудно: ветер нанес в придорожные посадки сугробы снега. Навстречу прогрохотал длинный товарный состав.

— Опоздали! — сокрушенно пробормотал Измайлов вслед удалявшемуся поезду.

Как только вторая мина легла под рельс, разбушевавшийся ветер, словно сказочный сеятель шагая по полю, схватил из огромного лукошка гигантскую пригоршню хрустящего снега и, размахнувшись, бросил через кустарник прямо на полотно железной дороги. Разметав его, он пустился дальше, оставив белое покрывало на том месте, откуда только что поднялись молодые минеры Репкин и Измайлов.

— Ну, ребята, лучшую маскировку и придумать трудно,— удовлетворенно заметил Василий.

В первом часу ночи комсомольцы направились к деревне Озерове, что километрах в семи от места диверсии. Деревня кишела фашистами: какая-то воинская часть остановилась здесь на ночевку. Отдых в теплой хате исключался, а идти дальше уже не было сил. К тому же надо было дожидаться здесь результатов минирования, чтобы точнее доложить командованию.

Уставшие и продрогшие, друзья забрались в кучу соломы и моментально уснули.

Утром Стебаков и Измайлов с трудом могли пошевелиться, пальцы на руках и ногах стали будто деревянные. Репкин и сам промерз до мозга костей, но увидев, в каком состоянии ребята, почувствовал, что его кинуло в жар: обморозились! Произошло самое страшное, что могло их ожидать, разумеется, кроме столкновения с врагом.

Командир группы понимал, что вчерашний упадок сил объяснялся не только физической усталостью. Это была реакция на огромное нервное напряжение последних дней. Комсомольцы сделали все, чтобы выполнить боевое задание — заминировать и взорвать железную дорогу, ведущую к фронту. Но Репкин обязан не только выполнить боевое задание, а и привести свою группу обратно, на базу, до которой свыше двухсот километров. Да еще каких! Их надо пройти, хотя и по родной земле, но с риском каждую минуту попасть в лапы оккупантов. Не во всякую деревню и не в каждую хату можно зайти обогреться, поесть.

Тяжело было Василию видеть страдания своих товарищей. Однако ослабить волю, проявить растерянность в эту минуту — значит погубить всю группу. Сохраняя внешнее спокойствие, командир сказал:

— Ничего, ребятки, это бывает. Мороз шуток не любит. Мы тоже с ним цацкаться не будем. А ну, растирай сильнее варежкой... Помните, как мужик в лесу мороз из своей шубы поленом выколачивал: давай, давай, три сильнее. Порядочек...

Растирание несколько улучшило состояние обмороженных. Восстановилась чувствительность пальцев, зато каждый ощущал острую боль.

— До свадьбы все заживет,— убеждал Стебакова не унывающий Саша.— За наши пальцы не один фриц расплатится головой. А как там наши мины? — спохватившись, обратился он к командиру.

— Надо вернуться и понаблюдать,— сказал Василий. По пути к железной дороге около деревни Солнцево

группа встретила старика. Тот сам остановил их вопросом:

— Далече путь держите?

— На станцию, дедок,— ответил Репкин.— Далече ли еще?

Дед внимательным взглядом окинул ребят с ног до головы и осведомился:

— РТ что это вам приспичило в такую лихомань на станцию?

— Думаем в Орел податься, — насторожился Репкин, — говорят, там можно какую-нибудь работенку подыскать... Без дела-то в деревне скука заела.

Дед прищурил покрасневшие, слезящиеся от мороза глаза:

— Брехать-то ты, сынок, вижу, наловчился. Только мне это ни к чему.

Поворачивайте-ка оглобли да улепетывайте отсюда подальше...

- Это почему же?

- А все потому же: в деревне немцев полно.

— А где их теперь нет,— небрежно отмахнулся Реп-кик.— Что ж теперь из-за них и сиди дома?

- Говорю, уходите подобру-поздорову. Немцы ноне как звери разлютовались... На рассвете под Нарышкино их поезд полетел вверх тормашками. Много всякой техники разнесло в пух и прах. И самих немало прихлопнуло. Вот теперь задерживают каждого встречного и, как мало-мальски сомнительный, на месте убивают... Зернитесь, говорю. Вам, поди, не к спеху, приедете дня через два-три.

— Да нам-то, конечно, не к спеху,— согласился Реп-кин и полюбопытствовал: — А состав-то откуда шел?

— Говорю, на фронт технику гнали: в Орел, значит. Вагонов двадцать в щепки разнесло... с танками и всяким прочим добром.

— Хотя нас эта история и не касается, но на рожон лезть не будем,— безразлично махнул рукой Василий.— Спасибо, дедок, что предупредил. Пошли, ребятки, домой.

В дальнейшей проверке не было смысла. Одна мина уже сработала, и неплохо, а вторая не должна подвести: к ней дополнительно подложено несколько гранат и взрывателей. Результаты все равно станут известны через партизанскую разведку. Репкин не хотел рисковать. Ведь ребята вторые сутки ничего не ели, обморозились. Особенно плохо себя чувствовал Владимир Стебаков.

Обратно шли уже известным путем. К вечеру добрались до села Пахомово. Здесь

заночевали, обогрелись, отдохнули и снова двинулись вперед. Владимир Стебаков еле шел, мучительно болели обмороженные руки и ноги, его сильно знобило, температурило. Кое-как дотянув до деревни Чупахино, он сказал:

— Василий Максимович! Саша!.. Подвожу вас, но больше не могу... Бросьте меня здесь, все равно я не дойду...

К счастью, немцев в деревне не оказалось. Владимира оставили в доме приветливой старушки. Она обещала объявить его своим внуком и вылечить во что бы то ни стало.

Обратный двухсоткилометровый рейд по вражескому тычу в трескучий мороз и почти без пищи Репкин и Измайлов совершили вдвоем. Это был настоящий подвиг, образец мужества, несгибаемой воли и железной выдержки двух комсомольцев. Каждый шаг пронизывал болью все тело Саши Измайлова. Вдобавок ко всему он обморозил уши. Распухшие пальцы рук потрескались и кровоточили, но он, стиснув зубы, шагал рядом с Репниным и ни разу не пожаловался. Лишь при неловком движении болезненно морщился, и лицо его становилось синевато-бледным.

Не лучше чувствовал себя и Василий.

Даже в эти трудные дни комсомольцы не забывали, что они разведчики. Глаза их подмечали всякую интересную деталь в тылу врага. Время от времени они заходили к уже знакомым им патриотам, которых не согнула фашистская оккупация, и получали ценные сведения. Дневник Репкина подробно рассказывал о вражеском тыле.

Линию фронта разведчики перешли в ночь на девятое декабря 1941 года у села Груне-Воргол Становлянского района. Бойцы одной из частей Советской Армии доставили их на базу в Елец. 15 декабря Репкин и Измайлов представили руководству штаба письменный рапорт-отчет о выполнении боевого задания — документальное свидетельство беззаветной преданности Родине орловских комсомольцев, семнадцатилетних парней с Пушкинской улицы, свидетельство отваги, находчивости и зрелости их командира, двадцатитрехлетнего новосильского комсомольца Василия Репкина.

Рапорт заканчивался словами: «Мы можем выполнять задание любое... Минировать железную дорогу Орел — Залегощь, Орел — Мценск... Мы знаем хорошо местность, пути движения, повадки врага и его слабые места... Больше крушений на железных дорогах...»

На последней странице рапорта-отчета в нижнем левом углу размашистым крупным почерком начальник штаба написал: «Могут быть использованы на более серьезных заданиях».

Это была новая путевка в героическое будущее.

...Александра положили в госпиталь.

Выздоровливал он медленно. Первое время, пока чувствовал себя плохо, был на редкость дисциплинированным больным: смиренно лежал на госпитальной койке, аккуратно выполнял все предписания врача и требования медсестер. Но когда пальцы на руках и ногах стали приходить в норму, а обмороженные уши зажили, стало трудно удерживать его в уютной палате.

Однажды в госпиталь пришел представитель штаба, сообщил, что Военный совет Брянского фронта приказом от 29 декабря 1941 года от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградил Александра Ивановича Измайлова орденом Красной Звезды.

Саша совсем потерял покой.

— Доктор,— умолял он лечащего врача,— ну какой толк от того, что я занимаю тут место?! Мне в дело надо, долечусь на ходу!

— Да, но ходить-то тебе, мил человек, как следует пока еще и не на чем,— охлаждал его врач.— А в твоём деле прежде всего ноги нужны. Потерпи немного.

К больному часто заходил Репкин. Рейд в тыл врага крепко сдружил комсомольцев. Однажды Василий сообщил, что поступило донесение партизанской разведки о том, что вторая мина, установленная под станцией Нарышкино, сработала не хуже первой. Она

разнесла вдребезги вражеский эшелон, следовавший из Орла в фашистскую Германию с награбленным добром. Рассказывал Репкин и о подвигах партизан Брянских лесов, о дерзких вылазках народных мстителей из отряда Орджоникидзеградских рабочих.

Все это будоражило Сашино воображение. Лежит он на койке в темноте, смотрит в потолок широко открытыми глазами, и перед ним встает дремучий лес... Настороженно шумят вековые сосны. Слышно, как цокает где-то белка. По глубокому снегу пробираются к железной дороге партизаны. За плечами — мины, ящики с толовыми шашками... Вот они ползком добрались до полотна, установили мины и ждут. Из-за поворота показался дымок паровоза: длинный тяжеловесный состав торопится добраться до фронта. Он везет фашистской армии новую технику, боеприпасы. И вдруг взрыв сотрясает воздух. Вагоны, как спичечные коробки, насакивают друг на друга, трещат и разлетаются в щепки. Орудия, танки превращаются в груды металлического лома.

«А я лежу вот тут,— думает Саша,— под теплым одеялом» Он резко поворачивается на бок. До рассвета еще дачеко. Врач придет не скоро. И, может быть, опять скажет: «Подожди еще немного». «До каких пор ждать?! Нежиться до тех пор, пока война закончится?!» Саша чувствует себя виновным перед теми, кто сейчас мерзнет в лесу, сидит в засаде, поджидая врага, а может быть, лежит в снегу, истекая кровью. «Люди умирают, а я бездельничаю. Срам! — бичует себя Саша.— А как быть? Бежать? Капитан из штаба уже однажды отверг этот план и сказал, что этот «героизм» пахнет гауптвахтой и что недисциплинированному партизану «грош цена».

Засыпает Саша с мыслью о том, что завтра, как только появится в палате врач, он выскажет ему без стеснения все, что он о нем думает. «Так прямо и скажу: грош вам цена, коль вы так долго не можете залечить пустяки. Возитесь с пальцами уже месяц целый. Не можете сами, попросите другого, знающего».

Утром Саша ничего этого не говорит, а только молча косится на медиков.

Но вот однажды во время обхода врач долго рассматривал и ощупывал Сашины пальцы на руках и ногах. Потом дольше обычного выслушивал легкие и сказал:

— Можно танцевать...

— А воевать?— вырвалось у Саши. Ему показалось, что врач разрешает только танцы как выздоравливающему, и ничего больше.

— И воевать, - подтвердил врач, улыбнувшись.— И воевать.

Давно бы так,— будто пружина подбросила Сашу над матрацем. Он почти крикнул сестре: — Надежда Семеновна, скажите там... пусть одежду принесут. Да побыстрее!..

Из госпиталя Измайлов возвратился как раз вовремя. В штабе объявили, что он направляется во вновь созданный боевой истребительно-диверсионный отряд, который на днях пойдет во вражеский тыл. Командование придавало этому отряду особое значение. Он был укомплектован в основном орловскими комсомольцами, во главе его стояли коммунисты. Заместителем командира отряда был назначен коммунист Дмитрий Николаевич Филиппов, слесарь Орловской городской электростанции. В 1918— 1922 годах Дмитрий Николаевич находился в рядах Красной Армии, во время гражданской войны участвовал в боях с белогвардейцами под Воронежем, сражался с деникинцами в Донбассе, был ранен. Когда фашисты захватили родной город, он явился в партизанский штаб. После специальной подготовки его послали в самое пекло. Истребительно-диверсионная группа под руководством Филиппова оперировала в самой гуще вражеских войск. Народные мстители были неуловимы. Они как из-под земли появлялись то на Курском большаке, то на шоссейной дороге Орел—Мценск, то на дорогах Нозосильского, Краснозоренского, Измалковского и других районов. Их мины разносили в прах мосты на путях движения гитлеровцев, поднимали в воздух автомашины с боеприпасами и живой силой врага. Филипповцы не раз попадали, казалось, в безвыходное положение, но их всегда выручали бесстрашие, хладнокровие и находчивость командира.

Саша ликовав от сознания того, что попал в отряд. Беим своим горячим сердцем комсомольца он был там, за линией фронта, на дорогах партизанской войны. Теперь они с

Репкиным покажут фашистской нечисти, как умеют воевать орловцы. Не один и не два, а десятки вражеских эшелонов полетят под откос. Измайлов чувствовал сепя уже опытным минером, а вместе с Василием Репкиным он не задумываясь пойдет на самое дерзкое, на самое опасное задание.

Но судьба подготовила для Саши неприятный сюрприз: стало известно, что Репкину поручается особое задание и с отрядом он не пойдет. Измайлов был очень расстроен.

— Как же так, Вася? — огорченно спросил он друга.— Все время были вместе... а теперь — на тебе...

— Не вешай голову, Сашок,— пробовал отшутиться Репкин.— Война, брат, ничего не поделаешь. Приказано, и все тут.

— А может, нам вместе? Попроси меня в помощь,— с надеждой взглянул на Репкина Саша.— Не подведу.

— Знаю, что не подведешь. Просил уже. Не разрешили. Задание, понимаешь, такое... Одному идти придется.

Друзья замолчали. Обоим было грустно. Не хотелось расставаться. Однако приближался час выхода отряда за линию фронта.

— Ну что ж, Сашок, не грусти,— прервал затянувшуюся паузу Репкин и добавил: — Мы еще повоюем.

— Повуюем, конечно,— подтвердил Саша.— Повуюем, да не вместе.

И вместе тоже,— заверил друга Репкин.— Я тебе по секрету, так и быть, скажу. В конце концов в Орджоникидзеградском отряде мы сойдемся.

— Ну, коли так, я тебя ждать буду,— повеселел Саша и на прощание обнял друга.

Двадцатого февраля 1942 года ночью, в лютой холод, в пургу отряд орловских патриотов вышел на передний край" нашей обороны. Командир батальона, на участке которого должен был осуществиться переход, сам пришел проводить смельчаков. Он молча вглядывался в темноту, приподняв голову над высоким бруствером окопа.

Была обычная фронтовая ночь. Пурга разгульно металась по израненной тысячами снарядов и мин земле, свирепо кидала крутящиеся вихри снега. Время от времени над окопами противника бухал одиночный выстрел или торопливо, как с испуга, татакала пулеметная очередь.

— Как впереди, все подготовлено? — негромко спросил комбат, хотя прекрасно знал, что полковые саперы и разведка сделали все, что могли.

— Так точно. Все готово,— негромко ответил командир саперного взвода.— Проходы проделаны, маяки поставлены, проводники до переднего края выделены.

— Ну что ж, действуйте,— разрешил комбат и совсем не по-военному добавил: — Только вы там, хлопцы, поосторожнее... Берегите себя.

Первыми перемахнули через бруствер окопа двое проводников, а затем один за другим — бойцы отряда.

— У пулеметов, смотреть в оба! — сердито приказал комбат, без того зная, что четыре расчета сейчас замерли, готовые по первому сигналу открыть огонь: если хлопцам придется отходить, дать фрицам так, чтобы они головы поднять не могли.

— Есть!— ответил командир роты.

Комбат повернулся и снова стал смотреть вслед ушедшим, вслушиваясь в ночные звуки. Но с поля доносились только шорохи и вздохи пурги.

Можно написать целую книгу о том, как пятнадцать в большинстве своем еще безусых юношей в феврале 1942 года прошли долгий и опасный путь из района Ельца в дремучие Брянские леса, в партизанский лагерь за Круглым озером. Прошли, не замеченные врагом. И все это вместилось в одну короткую фразу радиодонесения: «Дошли благополучно, задание выполнено».

Саша Измайлов, попав в партизанский лагерь, почувствовал себя буквально как рыба в воде. Все здесь было ему по плечу, за все он брался с горячим интересом и энергией.

Вместе со всеми он нес караульную службу и был одним из самых зорких и бдительных в партизанских дозорах и секретах. В любое время Саша готов был отправиться на заготовку продуктов, хотя мирное слово «заготовка» в те дни, кроме своего основного смысла, несло еще и такую нагрузку, как короткие, но жестокие схватки с фашистскими карателями.

Необычно горячими были для орджоникидзеградских партизан дни с мая до середины декабря 1942 года. Гитлеровское командование, доведенное до бешенства дерзкими налетами партизан, уже в который раз принималось прочесывать лес. Карательные экспедиции следовали одна за другой. В дремучих Брянских лесах не смолкал грохот боев.

С неразлучным своим другом—автоматом и верными гранатами-лимонками Саша Измайлов был всегда там, где кипела наиболее жаркая схватка. Но основной своей военной специальностью он считал все-таки подрывное дело.

Бывший командир орджоникидзеградских партизан Петр Андреевич Рыжков рассказывает, что как подрывник Саша Измайлов девятнадцать раз участвовал в диверсиях на магистралях Брянского железнодорожного узла. Участки Брянск—Зикеево, Брянск—Ржаница, Брянск—Дятково являлись, так сказать, его постоянными «объектами». На личном счету орловского комсомольца числится шесть уничтоженных железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой фашистов.

Саша участвовал также в подрыве моста на шоссе Брянск - Рославль. А сколько раз он поднимал на воздух грузовые автомашины с военными материалами и солдатами-оккупантами!

Стенная газета «Комсомолец», выходившая в партизанском соединении, «боевые листки» роты, в которой находился Саша Измайлов, много раз рассказывали о его отваге и настойчивости в выполнении заданий.

В «боевом листке» за 2 июля 1942 года сообщалось, Измайлов в числе других партизан-подрывников награжден медалью «За отвагу».

В новогоднем номере комсомольской стенгазеты соединения говорилось: «... 1942 год был годом напряженной борьбы в тылу врага и для нашего партизанского соединения. В этой суровой борьбе наши славные комсомольцы молодые патриоты, не щадя своей жизни, нанесли огромный ущерб врагу. Комсомольцы Василий Латышев, Анатолий Титов, Николай Стенин, Николай Меньшиков, Александр Измайлов, Иван Васютин, Семен Саунин имеют на своем счету по 5—8 пущенных под откос железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой гитлеровцев... В 1943 году фашистские звери расплатятся своей черной поганой кровью за чудовищные злодеяния.

С Новым годом, товарищи! С новыми победами над врагом!»

В день 25-й годовщины Великого Октября орджоникидзеградские партизаны рапортовали Орловскому штабу партизанского движения о своей боевой работе в тылу врага за год. Рапорт подписали лучшие люди соединения. Среди них была подпись и Александра Измайлова.

Несказанно обрадовался Саша, когда однажды в расположении лагеря он столкнулся со своим другом Василием Репкиным. Выполнив особое задание, Репкин прибыл в Орджоникидзеградский отряд. Но лишь один раз им довелось действовать вместе. В районе Глинищева они минировали мост на дороге Брянск—Смоленск. Вскоре же Василий возглавил группу минеров-подрывников и по приказу командования был направлен в помощь партизанам Клетнянских лесов. Друзьям снова пришлось расстаться.

В канун Первомайского праздника 1943 года партизаны Орловского края наносили врагу особенно ощутимые удары. Они взрывали воинские эшелоны противника, поднимали на воздух мосты на его коммуникациях, поджигали склады боеприпасов, горючего и продовольствия. Неожиданные автоматные и пулеметные очереди косили фашистов там, где они обычно чувствовали себя в безопасности.

24 апреля 1943 года в сопровождении своих боевых помощников комсомольцев Оборотова и Миронова Александр Измайлов вышел на операцию к намеченному участку железной дороги. В ночь на 29 апреля, оставив товарищей в засаде, он осторожно подполз к

полотну, выждал, пока прошел патруль, и, заложив мину, отполз обратно в кусты. Улегшись поудобнее, Саша стал ждать. Кругом было тихо. Лишь за спиной перешептывались макушки высоких сосен. Снег уже стаял. Все вокруг было непроглядно черным. Прошло не менее часа. Измайлов ждал. Справа и слева от него лежали его друзья.

Прислушиваясь к ночной тишине, Саша неожиданно вспомнил о доме. С тех пор как, выполнив задание по разведке в ноябре сорок первого года, он ушел из Орла в Елец, не было от родных ни одной весточки. Как-то там мама, сестренки, меньший братишка Андрюшка. Живы ли? А где теперь Владик Стебаков? Как он там без врачей, один, с обмороженными ногами и руками... Шурика Подделкова фашисты, наверное, расстреляли или повесили в Пахомовке. Он, конечно, ничего им не сказал. Иначе гитлеровцы кинулись бы тогда в погоню. Сволочи, как они надругались тогда над девушкой в деревне Болотное! А как терзали партизана Истратова в деревне Залегощь осенью сорок первого года! Фашисты мучили его трое суток. Сначала отрезали уши, потом нос, отрубили руки, а затем и голову... А учитель-коммунист в деревне Груне-Воргол, когда в декабре сорок первого с Репкиным переходили линию фронта... совсем еще молодой... Повесили мерзавцы за то, что не согласился стать предателем...

Саша крепко стиснул зубы. Сейчас не время думать о потерях. Сейчас надо вести борьбу и уничтожать врага. И он, Саша Измайлов, комсомолец, должен увеличить счет уничтоженных им фашистов и их техники, увеличить во что бы то ни стало.

Память, уже в который раз, вновь поставила перед Сашиними глазами страшное зрелище недавнего прошлого. Гитлеровские каратели, озлобленные неудачей в борьбе с партизанами, захватили затерявшийся в лесах поселок и сожгли его. Когда Саша вместе с товарищами пришел сюда, он увидел только черные остовы печей да седые круговины золы около них. У крайнего пожарища высилась куча окровавленных тел. Женщины, детишки, старики... Их согнали сюда и расстреляли из автоматов. В стороне лежало тело еще совсем молодой женщины, прижавшей к груди мертвого ребенка. Рядом валялась бутылочка с желтым резиновым сосочком на горлышке...

Саша застонал, вспомнив эту страшную картину. Он поднялся и хотел сесть на пень, но вдруг насторожился. «Идет! К Брянску! Наконец-то!» Измайлов весь подался вперед, вглядываясь в темноту. Шум поезда становился все громче, отчетливее. Вот уже можно различить постукивание колес на стыках рельсов. Вскоре из-за поворота показался и паровоз. Яростно шипя и набирая скорость под уклон, он мчался прямо на мину. Ближе, ближе... Сейчас... Саша пригнулся и втянул голову в плечи. Но паровоз промчался над миной, протащив за собой состав, и потонул в темноте.

Снова стало тихо. За полустанком дважды прокричала сова, и ее истошный вопль вернул Измайлова к действительности. «Что случилось? — чуть не вскрикнул он. — Я же сам готовил мину, сам проверил взрыватель...»

Саша быстро пополз к насыпи, осторожно придерживая запасную мину. У самого полотна он почти столкнулся с патрульными. Гитлеровцы, успокоенные тем, что поезд благополучно проследовал по их участку, бодро шагали по линии. Пропустив их, Саша бросился к мине. Но, не успев выяснить, почему не сработала мина, услышал за спиной приближающийся грохот второго поезда. «Значит, вперед пропустили эшелон порожняка, а теперь идет основной... С боеприпасами или войсками. Не успею... уйдет и этот, — молнией вспыхивали мысли в голове комсомольца. — Нет! Не должен!»

Яростный порыв поднял Александра Измайлова на ноги. Он схватил тяжелую запасную мину, прижал ее обеими руками к груди и шагнул навстречу паровозу.

— Н-е-е-ет!!! — успел он крикнуть, что было силы.

Взрыв, удвоенный ранее заложенной миной, подбросил паровоз и разломил его. Передние вагоны превратились в бесформенную грудку металла и дерева, а остальные рухнули по обе стороны высокой насыпи. Рвались под обломками снаряды, вспыхнуло яркое пламя. Сквозь этот грохот слышались крики и стоны раздавленных и горящих гитлеровцев.

Эхо взрыва, прокатившееся над окрестностями, известило партизан о том, что лучший

подрывник соединения, член Орджоникидзеградской подпольной комсомольской организации орловский паренек Александр Измайлов выполнил свой долг патриота Советской Родины.

...В 1956 году лагерь партизанского соединения имени А. И. Виноградова, что находился в глубине Брянских лесов, за Круглым озером, восстановлен в том виде, каким он был в суровые годы партизанской страды. Вблизи землянок на братской могиле стоит высокий обелиск. На нем начертаны имена тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с иноземными захватчиками, за светлое будущее советского народа. И среди них — имя нашего земляка, орловского комсомольца Александра Измайлова.